

ТИХВИНСКИЕ КАРЕЛЫ-СТАРООБРЯДЦЫ В ИССЛЕДОВАНИИ О. М. ФИШМАН

И. Ю. Винокурова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Российское и зарубежное кареловедение достигло значительных успехов в деле изучения карельского народа, имеющего достаточно драматический путь развития и яркую самобытную культуру. Оно включает немало трудов, которые без преувеличения можно назвать классическими произведениями. Тем не менее в научном наследии о карелах остаются значительные пробелы. В годы довлеющей над научными умами марксистско-ленинской идеологии с ее взглядами на несовместимость религии с коммунистической формацией закрытой для исследований была православная тематика с такими, например, проблемами, как христианизация карелов, церковный раскол и распространение на карельских землях старообрядческих течений и толков. В постперестроечный период этот пробел начал успешно ликвидироваться.

В 2003 г. была опубликована монография ведущего специалиста по карельской этнографии О. М. Фишман «Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы», которая представляет собой первый в отечественной и зарубежной науке фундаментальный труд, посвященный исследованию феномена карельского старообрядчества. Объектом исследования явилась совершенно не изученная в этнографическом отношении локальная группа карельского этноса – «тихвинские карелы», проживающая в современном Бокситогорском районе Ленинградской области. Как справедливо отмечает автор монографии, принадлежность этой группы к федосеевскому согласию никогда не привлекала внимания отечественных специалистов. Таким образом, актуальными представляются как предмет, так и объект исследования. Его хронологические рамки охватывают значительный период – с конца XVII в. и фактически до наших дней. Монография легла в основу диссертации О. М. Фишман «Тихвинские

карелы-старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология, которая была блестяще защищена 4 апреля 2011 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Для российского кареловедения данный факт является знаменательным событием, поскольку это первая докторская диссертация по этнографии карелов. Настоящая статья посвящена анализу этого важного для этнографической науки исследования.

Уже при первом знакомстве с тихвинскими карелами у исследователя вызывает удивление стойкое сохранение на протяжении трех с половиной веков этого маленького национального островка в окружении мощного массива русского населения. Достаточно привести хотя бы такой факт. Вплоть до сегодняшнего дня карельские дети Тихвинщины (пусть даже не все) знают карельский язык, несмотря на то, что в местной школе карельский язык не преподается. Это выглядит парадоксально на фоне соседних вепсов (южная группа), где школьники изучают родной язык, но общение с детьми в семьях уже давно ведется на русском языке. Как представляется, именно желание найти причины высокой стабильности этой карельской группы и послужили толчком для О. М. Фишман обратиться к исследованию.

Существуют разные подходы к изучению локальных групп. Согласно одному из наиболее распространенных – историко-культурному, собранные данные гуманитарных наук, касающиеся различного по масштабу локуса, систематизируются и анализируются по традиционным этнографическим рубрикам. Такого плана работы, в том числе и по карелам, встречаются

чаще всего, например, коллективные монографии, посвященные материальной и духовной культуре сегозерских карелов, истории и культуре Суйсари, Сямозера и др. О. М. Фишман пошла по новому пути исследования. Она поставила цель разработать методологию комплексного изучения и описания феномена локальной группы, дав ей точное определение «этноконфессиональная», роли старообрядчества в ее формировании и сохранении [Фишман, 2011. С. 6]. Впечатляет новизна, масштаб и успешное решение поставленных задач работы, их 8, и каждая может стать предметом самостоятельного исследования. Перечислим только некоторые из микротем (в работе они связаны единым стержнем): миграционная и конфессиональная история карелов за три с половиной века; значение устных нарративов для характеристики концептов исторической памяти; освоение новой среды карельскими мигрантами; групповое этническое и конфессиональное самосознание; языки повседневного и фольклорного общения, конфессиональной практики; система этноконфессиональных символов; реконструкция структуры карельской старообрядческой общины; изучение системы лидерства; таинства федосеевцев; описание правил благочестия и др.

Композиционно каждая глава диссертации или ее отдельный параграф посвящены реализации одной из поставленных задач. Их успешное решение стало возможным благодаря разработанной автором новой комплексной методологии исследования, которую О. М. Фишман определяет «как совокупность традиционных для этнографии и заимствованных из смежных / пограничных гуманитарных дисциплин подходов и приемов». Среди них можно выделить «сквозные», используемые на протяжении всего исследования, и «дополнительные», применяемые при исследовании отдельных микропроблем. Стержневым стал феноменологический подход, задача которого заключается в познании системы образований сознания, конституирующих (имманентно) объективный мир. Определив исходную позицию – «карельско-старообрядческое» самосознание группы, автор виртуозно показывает, как оно проявляется в языке, способах мировидения, поведении, социальной организации, фольклоре и т. д.

Диссертация основывается на обширной источниковедческой базе, включающей опубликованные теоретические труды по старообрядчеству историков, философов, представителей старообрядческих церквей России; работы по региональному старообрядчеству и изучению локальных групп; исследования по

истории, лингвистике, этнографии и фольклору народов Европейского Севера и др.; различные письменные и вещественные свидетельства из архивов и музеев России, Эстонии, Финляндии; экспедиционные собрания. Оригинальные полевые материалы автору удалось собрать в многочисленных научных экспедициях благодаря редкому профессиональному мастерству ведения диалога с информантами и специальной методике. В диссертации порою представлена очень сокровенная информация, которой, как я знаю по собственному опыту, закрытые карелы-староверы охотно делились далеко не с каждым исследователем, к тому же предпочитая для бесед представителя своей национальности, хорошо знающего их язык.

Анализ группы тихвинских карелов правомерно начинается с рассмотрения событий, предшествующих их поселению в Тихвинском крае: христианизация, войны России и Швеции XVI–XVII вв. и их результат – массовая миграция карелов в глубь России. Автор, прекрасно ориентируясь в огромном количестве новых и уже известных исторических источников, дает современное толкование причин «исхода» карелов из Карельского уезда после подписания Столбовского мирного договора 1617 г.: социально-экономический и национальный гнет, конфессионально-репрессивная политика Шведского правительства. Причем особо отмечает, что по переписным книгам 1646 г., сами карелы первую причину своего переселения определяли как «бежали... для веры» [Фишман, 2011. С. 78]. Именно эта причина часто замалчивалась, принижалась или критиковалась в научной литературе советского периода. Например, признанный авторитет в вопросах карельской этнографии Ю. Ю. Сурхаско, анализируя книгу Т. Вуорела «Народы, родственные финнам», писал: «Касается автор и вопроса переселения карел в Россию в 17 веке, явно преувеличивая при этом роль религиозных мотивов» [Сурхаско, 1966. С. 155]. О. М. Фишман удалось убедительно показать роль Русской Православной церкви в выборе карельским народом своей судьбы – вместе с единоверцами русскими в составе Российского государства. Как точно высказывается по этому поводу исследовательница, «верность православию означала для карел сохранение собственного этнокультурного единства» [Фишман, 2011. С. 78]. О. М. Фишман присоединяется к мнению исследователей русской православной культуры о том, что в советский период «православие, пронизывающее в действительности все сферы народной

жизни, не только не изучалось (за малым исключением), но и нарочито затемнялось, проявления его искажались». Наблюдалось «тенденциозное выпячивание языческих элементов при замалчивании христианских основ духовной жизни народа» [Громыко и др., 1993. С. 60]. Новый взгляд на роль православия в карельской народной культуре, представленный в диссертации, позволяет пересмотреть прежние суждения многих советских исследователей.

Очень важной является проделанная О. М. Фишман работа по определению точных мест расселения карельских мигрантов на территории Новгородчины, Вологодчины и Верхневолжья и темпах их ассимиляции в последующие века. Эти данные крайне необходимы исследователям, изучающим неоднородный этнокультурный ландшафт Северо-Запада России.

Переход к характеристике конфессиональной принадлежности тихвинских карелов – фэдосеевскому согласию – автор логично предваряет обстоятельными экскурсами по истории старообрядчества, о распространении беспоповского направления и одного из его согласий – фэдосеевства на Северо-Западе, особо выделяя в них карельское участие. Некоторые приведенные данные в очередной раз заставляют по-иному взглянуть на устоявшиеся в науке выводы на карельскую культуру, дать правильное объяснение некоторым непонятным явлениям. Так, в карельской этнографии, начиная с дореволюционных исследователей, стало уже общим местом утверждение, что у северных карелов «венчанье не считается безусловно необходимым для заключения брачного союза, достаточно других свадебных обрядов» [Ефименко, 1878. С. 106]. Существовали и попытки интерпретации такого отношения к церковному обряду. Исследователи первой половины XX в. И. В. Оленев и Г. Х. Богданов в качестве причин называли высокую плату за венчание (5–25 руб. или корова), большие расстояния и плохие дороги между севернокарельскими церквями и деревнями [Оленев, 1917. С. 133; Богданов, 1930. С. 50]; ученые более позднего советского времени – стойкое сохранение язычества у карелов и вытекающее из этого «пренебрежительное отношение» к церкви. Однако по поводу данных интерпретаций возникал вопрос, почему выдвинутые причины не сказывались на соблюдении церковного обряда южнокарельским и вепским населением. Благодаря работе О. М. Фишман мы находим на него ответ. В диссертации исследовательницей названо большое количество приходов Карельского края, преимущественно

расположенных на севере, еще в начале XX в. зараженных расколом: Кемский, Сорокский, Шуезерский, Олангский, Кестенгский, Нюхченский, Тунгудский, Шиженский, Маслозерский, Кондокский, Шуерецкий, Пильдозерский и Сумский. Именно с позиции старообрядчества беспоповского направления, отрицавшего церковные ритуалы, следует объяснять безразличие к венчанию, а также отмечаемое исследователями малое количество церквей на севернокарельской территории [Конкка, 1992. С. 228]. Кроме того, старообрядческую карту Карелии и Новгородчины, реконструированную автором, необходимо принимать во внимание при изучении традиционной культуры населения этих мест и ее интерпретации.

Для реконструкции локальной истории тихвинской этноконфессиональной группы автор впервые обращается к таким фольклорным жанрам у карелов как предания и легенды. В этой связи уместно будет заметить, что карельские легенды и предания никогда систематически не собирались на территории Карелии и не были предметом специального исследования фольклористов. Диссертация О. М. Фишман демонстрирует продуктивность этих фольклорных жанров для решения различных историко-культурных проблем, связанных с карелами.

Еще одну новаторскую часть исследования представляет собой разработка проблемы культурной адаптации карельских переселенцев в новой природной среде. Как устанавливает автор, особенностью формирования карельского анклава в Тихвинском крае являлось не подселение карелов непосредственно в обжитых иноэтничных локусах, как это зачастую было в Карелии, а освоение опустевших после русских или новых территорий. По каждой деревне в диссертации содержится подробная информация, включающая и расположение в ней сакральных объектов, некрополей, представляющая собой своего рода путеводитель по данной местности. Эти сведения позволяют нам по-новому прочесть, например, уникальные образцы тихвинского говора карельского языка с. Селище, записанные и опубликованные В. Д. Ряговым, в которых встречаются упоминания о местной церкви и храмовом празднике [Образцы..., 1980. С. 173]. Как это соотносится со старообрядческой средой? Оказывается, население Селищ в своем большинстве было православным, а храм был освящен как единоверческий. В рамках этой проблемы особое теоретическое звучание приобрело рассмотрение разнохарактерного общения жителей карельских и русских деревень, старообрядцев и православных.

Групповое самосознание – краеугольная проблема, разрабатываемая в работе. Основными источниками этой части исследования явились обширные данные авторских опросов карелов и русских Тихвинского края, нацеленные на получение информации по теме «мы и они». Исследовательница сначала рассматривает все признаки карельского этнического самосознания, а затем переходит к религиозному. Такая последовательность изложения материала позволила автору очень точно показать наложение старообрядческого на этническое, сделать вывод о том, что идеологической и духовной опорой карельского несходства с русским со временем стала *старая вера*.

Одним из важных результатов явилась также реконструкция структуры конфессиональной общины тихвинских карелов, закрытой от «мира», но ставшей открытой для исследовательницы. Благодаря подробно описанному в работе переходу из одной группы в другую: *верующие (vierolazet)* – новожены (*novžonat*) – мирские (*mierolazet*) – читателю становится понятным, как достигалось «равновесие между соблюдением требований веры (чистоты и безбрачия)» и «необходимостью воспроизводства, продолжения семьи, рода, общины, народа» (с. 320). К заслугам автора следует отнести и выделение внутри общины нескольких типов социальных лидеров: отче и книжницы; их антиподы – колдуны и переходные фигуры – нищие, ясновидицы, знахарки, в обыденном религиозном сознании и поведении которых были обнаружены на удивление мощные внехристианские пласты. Высокой оценки заслуживает и сложная работа автора по сбору биографий различных лидеров, например, пяти карельских отче и тридцати книжниц. Она демонстрирует возможности биографического метода, с помощью которого удалось существенно конкретизировать историю местного федосеевства.

Значение представленных в диссертации разнообразных полевых материалов выходит за рамки карельской этнографии. Отдельные архаичные культурные явления тихвинских карелов имеют аналогии у соседнего русского и южновепского населения (особо подчеркну – у южных вепсов, а не у других групп), например: жальники и связанные с ними предания о Литве; мифологические рассказы о золотой бочке, упавшей в водоем; о колдунах, заставляющих чертей-помощников вить веревки из песка; поговорка, известная на карельском, вепском и русском языках, свидетельствующая о широком распространении праздников, посвященных Святителю Николаю («В Ни́колу

сядь в сани да брось вожжи, все равно на праздник попадешь»); женские голошения о бедах, адресованные кукушке, и др. Наличие этих общих черт позволяет выдвинуть предположение о существовании некоей этнографической зоны (условно назовем ее «тихвинской») или каких-то проходивших здесь культурных потоков, которое может стать импульсом для специальных исследований.

Как и всякая большая работа, успешно решающая ряд сложных вопросов, диссертация О. М. Фишман не лишена отдельных недочетов. В главе 3 автор объясняет интересный обычай тихвинских карелов изготавливать из можжевельника столбы для качелей на Пасху и могильные кресты почитанием этого дерева у всех финно-угорских народов. Однако, как показывают многочисленные исследования, в комплексе народных воззрений о растениях и животных мифологические представления и рациональные знания тесно переплетались. В карельском обычае, скорее всего, в расчет принимались не только верования, но и утилитарные свойства можжевельника, который, как часто отмечают сами сельские жители, отличается невероятной гибкостью, прочностью, менее подвержен разрушению под влиянием внешней среды. Пяжозерские вепсы, например, можжевельниковый крест ставят на могилах одиноких людей, объясняя это тем, что за могилой ухаживать некому, а можжевельниковый крест простоит дольше, чем сделанный из другой древесины.

В разделе о языке автор отмечает, что наибольшую устойчивость к русским заимствованиям проявили формы обращения членов карельской общины друг к другу. В зависимости от возраста к мужчине обращались *diädä Vänjä* («дядя Ваня»), *ukko Pedri* («деда Петя»), к овдовевшей пожилой женщине – *akko Paro* («баба Прасковья») (с. 264). На самом деле такая форма обращения как раз указывает на влияние русских. В карельской форме обращения на первое место ставится имя человека, а затем поло-возрастной термин. И такая система обращения действительно сохранилась у тихвинских карелов. В некоторых местах своей работы автор упоминает сообщения информантов о *Van'kad'iedä* (букв. «Ванька дядя») (с. 326), *Garud'iedo* (букв. «Гаврила дед») (с. 328), *Nasto t'ädi* (букв. «Настя тетя») (с. 378).

Указанные замечания носят специальный характер и не меняют общей высокой оценки рецензируемой диссертации.

Хочется высказать и пожелание для будущих исследований старообрядчества. В начале 1980-х гг. в деревнях тихвинских карелов мне

приходилось видеть стариков-долгожителей, это выглядело удивительным в сравнении с вепсами, среди которых в то время практически не было мужчин пожилого возраста (конечно, сказалась и война). Вопрос о влиянии старообрядчества с его отрицательным отношением к спиртному и курению на демографические показатели группы, в частности на продолжительность жизни, который не рассматривался в диссертации, мог бы стать предметом исследования в дальнейшем.

Литература

Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Западнo-финский сборник. Л., 1930. С. 36–64.

Громыко М. М., Кузнецов С. В., Буганов А. В. Православие в русской народной культуре: направление исследований // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60–84.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Зап. ИРГО по отд. этнографии. 1878. Т. 8.

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.

Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 123–136.

Образцы карельской речи (тихвинский говор собственно карельского диалекта) / Сост. В. Д. Рягов. Л., 1980.

Сурхаско Ю. Ю. Карелы в современной этнографической литературе Финляндии // СЭ. 1966. № 2. С. 151–160.

Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.

Фишман О. М. Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы: Дис. ... докт. ист. наук (по специальности – 07.00.07 – этнография, этнология и антропология). СПб., 2011.